

Д.Н. Мамин-Сибиряк

О том, как жила-была последняя Муха

Забавная история о жизни мухи Мушки, которая считала, что все в доме верится вокруг мух и для их удовольствия. Однако, когда мух развелось много, хозяева поставили ловушки и почти всех поймали. Мушка мечтала остаться одна, так ей надоели другие мухи. Когда настала осень, и мухи начали засыпать, Мушка летала одна и хозяева ее не трогали. Вскоре пришла зима и Мушка заскучала от одиночества. А с приходом весны, она услышала жужжание – это пролетела молодая муха. Мушка сильно обрадовалась новой подружке и весне...

Как было весело летом! Ах, как весело! Трудно даже рассказать всё по порядку. Сколько было мух, — тысячи. Летают, жужжат, веселятся. Когда родилась маленькая Мушка, расправила свои крылышки, ей сделалось тоже весело. Так весело, так весело, что не расскажешь. Всего интереснее было то, что с утра открывали все окна и двери на террасу — в какое хочешь, в то окно и лети.

— Какое доброе существо человек, — удивлялась маленькая Мушка, летая из окна в окно. — Это для нас сделаны окна, и отворяют их тоже для нас. Очень хорошо, а главное — весело.

Она тысячу раз вылетала в сад, посидела на зелёной травке, полюбовалась цветущей сиренью, нежными листиками распускавшейся липы и цветами в клумбах. Неизвестный ей до сих пор садовник уже успел вперёд позаботиться обо всём. Ах, какой он добрый, этот садовник! Мушка ещё не родилась, а он уже всё успел приготовить, решительно всё, что нужно маленькой Мушке. Это было тем удивительнее, что сам он не умел летать и даже ходил иногда с большим трудом — его так и покачивало, и садовник что-то бормотал совсем непонятное.

— И откуда только эти проклятые мухи берутся? — ворчал добрый садовник.

Вероятно, бедняга говорил это просто из зависти, потому что сам умел только копать гряды, рассаживать цветы и поливать их, а летать не мог. Молодая Мушка нарочно кружилась над красным носом садовника и страшно ему надоедала.

Потом, люди вообще так добры, что везде доставляли разные удовольствия именно мухам. Например, Алёнушка утром пила молочко, ела булочку и потом выпрашивала у тёти Оли сахару, — всё это она делала только для того, чтобы оставить мухам несколько капелек пролитого молока, а главное — крошки булки и сахара. Ну, скажите, пожалуйста, что может быть вкуснее таких крошек, особенно когда летаешь всё утро и проголодаешься?

Потом, кухарка Паша была ещё добрее Алёнушки. Она каждое утро нарочно для мух ходила на рынок и приносила удивительно вкусные вещи: говядину, иногда рыбу, сливки, масло, — вообще самая добрая женщина во всём доме. Она отлично знала, что нужно мухам, хотя летать тоже не умела, как и садовник. Очень хорошая женщина вообще!

А тётя Оля? О, эта чудная женщина, кажется, специально жила только для мух. Она своими руками открывала все окна каждое утро, чтобы мухам было удобнее летать, а когда шёл дождь или было холодно, закрывала их, чтобы мухи не замочили своих крылышек и не простудились. Потом тётя Оля заметила, что мухи очень любят сахар и ягоды, поэтому она принялась каждый день варить ягоды в сахаре. Мухи сейчас, конечно, догадались, для чего это всё делается, и лезли из чувства благодарности прямо в тазик с вареньем. Алёнушка очень любила варенье, но тётя Оля давала ей всего одну или две ложечки, не желая обижать мух.

Так как мухи за раз не могли съесть всего, то тётя Оля откладывала часть варенья в стеклянные банки (чтобы не съели мыши, которым варенья совсем не полагается) и потом подавала его каждый день мухам, когда пила чай.

— Ах, какие все добрые и хорошие! — восхищалась молодая Мушка, летая из окна в окно. — Может быть, даже хорошо, что люди не умеют летать. Тогда бы они превратились в мух, больших и прожорливых мух, и, наверное, съели бы всё сами. Ах, как хорошо жить на свете!

— Ну, люди уж не совсем такие добряки, как ты думаешь, — заметила старая Муха, любившая поворчать. — Это только так кажется. Ты обратила внимание на человека, которого все называют «папой»?

— О да. Это очень странный господин. Вы совершенно правы, хорошая, добрая старая Муха. Для чего он курит свою трубку, когда отлично знает, что я совсем не выношу табачного дыма? Мне кажется, что это он делает прямо назло мне. Потом, решительно ничего не хочет сделать для мух. Я раз попробовала чернил, которыми он что-то такое вечно пишет, и чуть не умерла. Это, наконец, возмутительно! Я своими глазами видела, как в его чернильнице тонули две такие хорошенькие, но совершенно неопытные мушки. Это была ужасная картина, когда он пером вытащил одну из них и посадил на бумагу великолепную кляксу. Представьте себе, он в этом обвинял не себя, а нас же! Где справедливость?

— Я думаю, что этот папа совсем лишён справедливости, хотя у него есть одно достоинство, — ответила старая, опытная Муха. — Он пьёт пиво после обеда. Это совсем недурная привычка! Я, признаться, тоже не прочь выпить пива, хотя у меня и кружится от него голова. Что делать, дурная привычка!

— И я тоже люблю пиво, — призналась молоденькая Мушка и даже немного покраснела. — Мне делается от него так весело, так весело, хотя на другой день немного и болит голова. Но папа, может быть, оттого ничего не делает для мух, что сам не ест варенья, а сахар опускает только в стакан чаю. По-моему, нельзя ждать ничего хорошего от человека, который не ест варенья. Ему остаётся только курить свою трубку.

Мухи вообще отлично знали всех людей, хотя и ценили их по-своему.

Лето стояло жаркое, и с каждым днём мух являлось всё больше и больше. Они падали в молоко, лезли в суп, в чернильницу, жужжали, вертелись и приставали ко всем. Но наша маленькая Мушка успела сделаться уже настоящей большой мухой и несколько раз чуть не погибла. В первый раз она увязла ножками в варенье, так что едва выползла; в другой раз спросонья налетела на зажжённую лампу и чуть не спалила себе крылышек; в третий раз чуть не попала между оконных створок, — вообще приключений было достаточно.

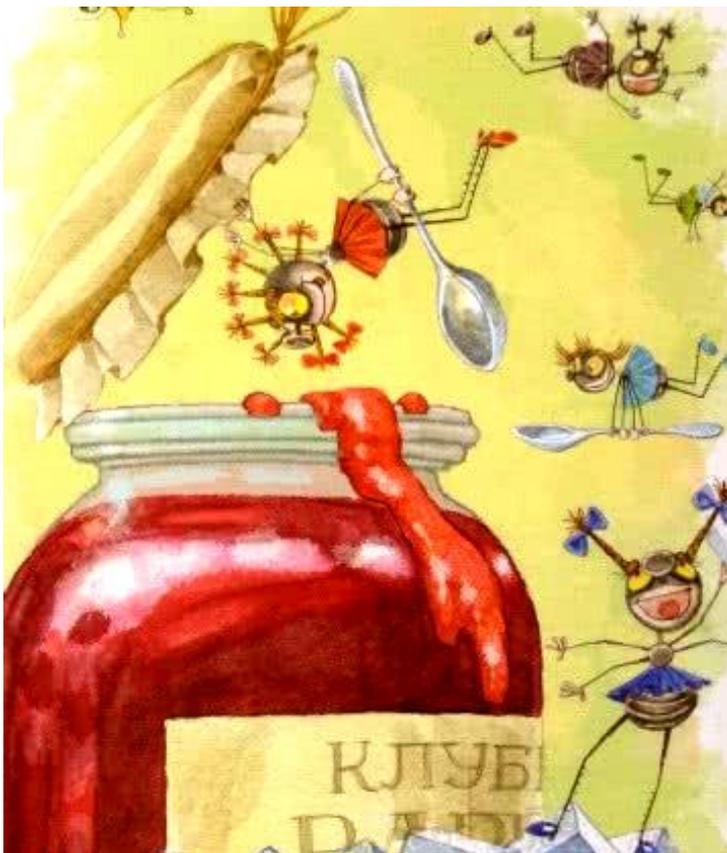
— Что это такое: житья от этих мух не стало! — жаловалась кухарка. — Точно сумасшедшие, так и лезут везде. Нужно их изводить.

Даже наша Муха начала находить, что мух развелось слишком много, особенно в кухне. По вечерам потолок покрывался точно живой, двигавшейся сеткой. А когда приносили провизию, мухи бросались на неё живой кучей, толкали друг друга и страшно ссорились. Лучшие куски доставались только самым бойким и сильным, а остальным доставались объедки. Паша была права.

Но тут случилось нечто ужасное. Раз утром Паша вместе с провизией

принесла пачку очень вкусных бумажек — то есть они сделались вкусными, когда их разложили на тарелочки, обсыпали мелким сахаром и облили тёплой водой.

— Вот отличное угощение мухам!
— говорила кухарка Паша, расставляя тарелочки на самых видных местах.

Мухи и без Паши догадались, что это делается для них, и весёлой гурьбой накинулись на новое кушанье. Наша Муха тоже бросилась к одной тарелочке, но её оттолкнули довольно грубо.

— Что вы толкаетесь, господа? — обиделась она. — А впрочем, я уж

не такая жадная, чтобы отнимать что-нибудь у других. Это, наконец, невежливо.

Дальше произошло что-то невозможное. Самые жадные мухи поплатились первыми. Они сначала бродили, как пьяные, а потом и совсем свалились. Наутро Паша намела целую большую тарелку мёртвых мух. Остались живыми только самые благоразумные, а в том числе и наша Муха.

— Не хотим бумажек! — пищали все. — Не хотим.

Но на следующий день повторилось то же самое. Из благоразумных мух остались целыми только самые благоразумные. Но Паша находила, что слишком много и таких, самых благоразумных.

— Житья от них нет, — жаловалась она.

Тогда господин, которого звали папой, принёс три стеклянных, очень красивых колпака, налил в них пива и поставил на тарелочки. Тут попались и самые благоразумные мухи. Оказалось, что эти колпаки просто мухоловки. Мухи летели на запах пива, попадали в колпак и там погибали, потому что не умели найти выхода.

— Вот теперь отлично! — одобряла Паша; она оказалась совершенно бессердечной женщиной и радовалась чужой беде.

Что же тут отличного, посудите сами. Если бы у людей были такие же крылья, как у мух, и если бы поставить мухоловки величиной с дом, то они попадались бы точно так же. Наша Муха, наученная горьким опытом даже самых благоразумных мух, перестала совсем верить людям. Они только кажутся добрыми, эти люди, а, в сущности, только тем и занимаются, что всю жизнь обманывают доверчивых бедных мух. О, это самое хитрое и злое животное, если говорить правду!

Мух сильно поубавилось от всех этих неприятностей, а тут новая беда. Оказалось, что лето прошло, начались дожди, подул холодный ветер, и вообще наступила неприятная погода.

— Неужели лето прошло? — удивлялись оставшиеся в живых мухи. — Позвольте, когда же оно успело пройти? Это, наконец, несправедливо. Не успели оглянуться, а тут осень.

Это было похуже отравленных бумажек и стеклянных мухоловок. От наступавшей скверной погоды можно было искать защиты только у своего злейшего врага, то есть господина человека. Увы! Теперь уже окна не отворялись по целым дням, а только изредка — форточки. Даже

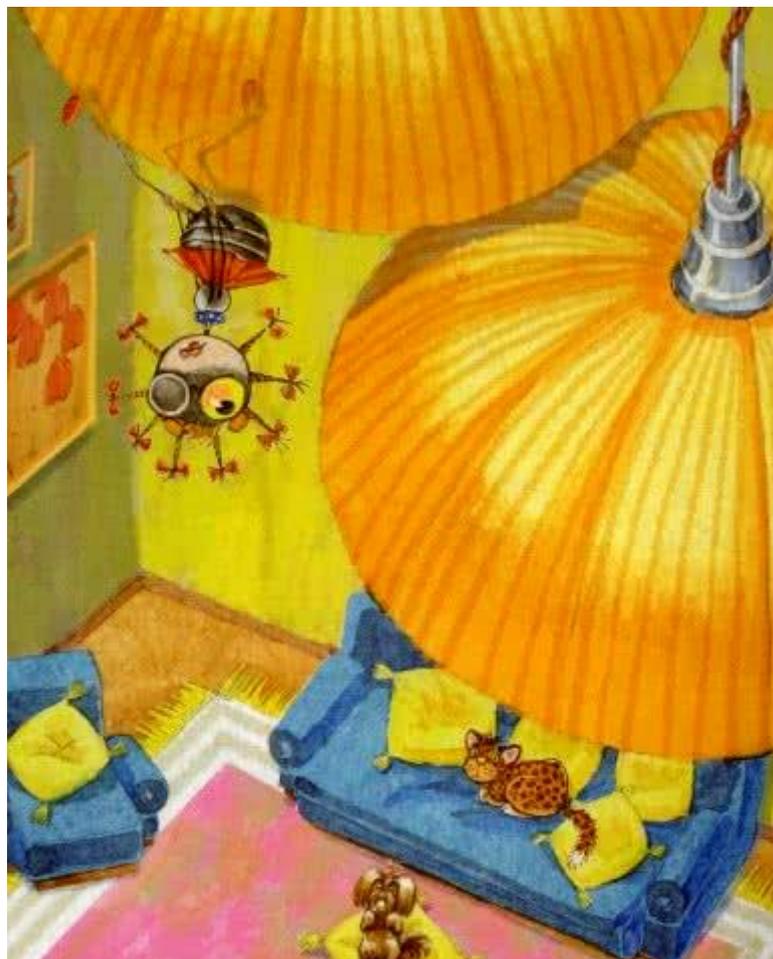
само солнце и то светило точно для того только, чтобы обманывать доверчивых комнатных мух.

Как вам понравится, например, такая картина? Утро. Солнце так весело заглядывает во все окна, точно приглашает всех мух в сад. Можно подумать, что возвращается опять лето. И что же, — доверчивые мухи вылетают в форточку, но солнце только светит, а не греет. Они летят назад — форточка закрыта. Много мух погибло таким образом в холодные осенние ночи только благодаря своей доверчивости.

— Нет, я не верю, — говорила наша Муха. — Ничему не верю. Если уж солнце обманывает, то кому же и чему можно верить?

Понятно, что с наступлением осени все мухи испытывали самое дурное настроение духа. Характер сразу испортился почти у всех. О прежних радостях не было и помину. Все сделались такими хмурыми, вялыми и недовольными. Некоторые дошли до того, что начали даже кусаться, чего раньше не было.

У нашей Мухи до того испортился характер, что она совершенно не узнавала самой себя. Раньше, например, она жалела других мух, когда те погибали, а сейчас думала только о себе. Ей было даже стыдно сказать вслух, что она думала:
«Ну и пусть погибают — мне больше достанется».

Во-первых, настоящих тёплых уголков, в которых может прожить зиму настоящая, порядочная муха, совсем не так много, а во-вторых, просто надоели другие мухи, которые везде лезли, выхватывали из-под носа самые лучшие куски и вообще вели себя довольно бесцеремонно. Пора и отдохнуть.

Эти другие мухи точно понимали эти злые мысли и умирали сотнями. Даже не умирали, а точно засыпали. С каждым днём их делалось всё меньше и меньше, так что совершенно было не нужно ни отравленных бумажек, ни стеклянных мухоловок. Но нашей Мухе и этого было мало: ей хотелось остаться совершенно одной. Подумайте, какая прелесть — пять комнат, и всего одна муха!

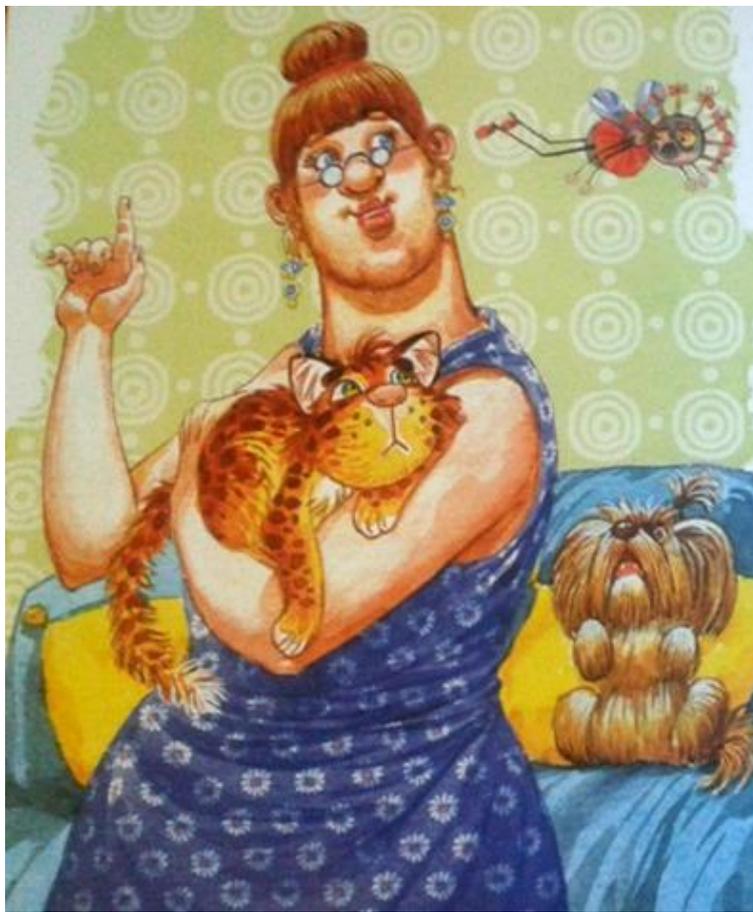
Наступил и такой счастливый день. Рано утром наша Муха проснулась довольно поздно. Она давно уже испытывала какую-то непонятную усталость и предпочитала сидеть неподвижно в своём уголке, под печкой. А тут она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное. Стоило подлететь к окну, как всё разъяснилось сразу. Выпал первый снег. Земля была покрыта ярко белевшей пеленой.

— А, так вот какая бывает зима! — сообразила она сразу. — Она совсем белая, как кусок хорошего сахара.

Потом Муха заметила, что все другие мухи исчезли окончательно. Бедняжки не перенесли первого холода и заснули, кому, где случилось. Муха в другое время пожалела бы их, а теперь подумала: «Вот и отлично. Теперь я совсем одна! Никто не будет есть моего варенья, моего сахара, моих крошечек. Ах, как хорошо!»

Она облетела все комнаты и ещё раз убедилась, что она совершенно одна. Теперь можно было делать решительно всё, что захочется. А как хорошо, что в комнатах так тепло! Зима там, на улице, а в комнатах и тепло и уютно, особенно когда вечером зажигали лампы и свечи. С первой лампой, впрочем, вышла маленькая неприятность — Муха налетела было опять на огонь и чуть не сгорела.

— Это, вероятно, зимняя ловушка для мух, — сообразила она, потирая обожжённые лапки. — Нет, меня не проведёте. О, я отлично всё понимаю! Вы хотите сжечь последнюю муху? А я этого совсем не желаю. Тоже вот и плита в кухне — разве я не понимаю, что это тоже ловушка для мух!

Последняя Муха была счастлива всего несколько дней, а потом вдруг ей сделалось скучно, так скучно, так скучно, что, кажется, и не рассказать. Конечно, ей было тепло, она была сыта, а потом, потом она стала скучать. Полетает, полетает, отдохнёт, поест, опять полетает — и опять ей делается скучнее прежнего.

— Ах, как мне скучно! — пищала она самым жалобным тоненьким голосом, летая из комнаты в комнату. — Хоть бы одна была мушка ещё, самая скверная, а всё-таки мушка.

Как ни жаловалась последняя Муха на своё одиночество, — её решительно никто не хотел понимать. Конечно, это её злило ещё больше, и она приставала к людям как сумасшедшая. Кому на нос сядет, кому на ухо, а то примется летать перед глазами взад и вперёд. Одним словом, настоящая сумасшедшая.

— Господи, как же вы не хотите понять, что я совершенно одна и что мне очень скучно? — пищала она каждому. — Вы даже и летать не умеете, а поэтому не знаете, что такое скука. Хоть бы кто-нибудь поиграл со мной. Да нет, куда вам? Что может быть неповоротливее и неуклюжее человека? Самая безобразная тварь, какую я когда-нибудь встречала.

Последняя Муха надоела и собаке и кошке — решительно всем. Больше всего её огорчило, когда тётя Оля сказала:

— Ах, последняя муха. Пожалуйста, не трогайте её. Пусть живёт всю зиму.

Что же это такое? Это уж прямое оскорбление. Её, кажется, и за муху перестали считать. «Пусть поживёт», — скажите, какое сделали одолжение! А если мне скучно! А если я, может быть, и жить совсем не хочу? Вот не хочу — и всё тут».

Последняя Муха до того рассердилась на всех, что даже самой сделалось страшно. Летает, жужжит, пищит. Сидевший в углу Паук наконец сжалился над ней и сказал:

— Милая Муха, идите ко мне. Какая красивая у меня паутина!

— Покорно благодарю. Вот ещё нашёлся приятель! Знаю я, что такое твоя красивая паутина. Наверно, ты когда-нибудь был человеком, а теперь только притворяешься пауком.

— Как знаете, я вам же добра желаю.

— Ах, какой противный! Это называется — желать добра: съесть последнюю Муху!

Они сильно повздорили, и всё-таки было скучно, так скучно, так скучно, что и не расскажешь. Муха озлобилась решительно на всех, устала и громко заявила:

— Если так, если вы не хотите понять, как мне скучно, так я буду сидеть в углу целую зиму! Вот вам! Да, буду сидеть и не выйду ни за что.

Она даже всплакнула с горя, припоминая минувшее летнее веселье. Сколько было весёлых мух; а она ещё желала остаться совершенно одной. Это была роковая ошибка.

Зима тянулась без конца, и последняя Муха начала думать, что лета больше уже не будет совсем. Ей хотелось умереть, и она плакала потихоньку. Это, наверно, люди придумали зиму, потому что они придумывают решительно всё, что вредно мухам. А может быть, это тётя Оля спрятала куда-нибудь лето, как прячет сахар и варенье?

Последняя Муха готова была совсем умереть с отчаяния, как случилось нечто совершенно особенное. Она, по обыкновению, сидела в своём уголке и сердилась, как вдруг слышит: ж-ж-жж! Сначала она не поверила собственным ушам, а подумала, что её кто-нибудь обманывает. А потом. Боже, что это было! Мимо неё пролетела настоящая живая мушка, ещё совсем молоденькая. Она только что успела родиться и радовалась.

— Весна начинается! весна! — жужжала она.

Как они обрадовались друг другу! Обнимались, целовались и даже облизывали одна другую хоботками. Старая Муха несколько дней рассказывала, как скверно провела всю зиму и как ей было скучно

одной. Молоденькая Мушка только смеялась тоненьким голоском и никак не могла понять, как это было скучно.

— Весна! весна! — повторяла она.

Когда тётя Оля велела выставить все зимние рамы и Алёнушка выглянула в первое открытое окно, последняя Муха сразу всё поняла.

— Теперь я знаю всё, — жужжала она, вылетая в окно, — лето делаем мы, мухи.

(Илл. В.Долгова, Детиздат)